

Содержание

ДЖЕРОМ КЛАПКА ДЖЕРОМ. *С. Маркис*

17

ТРОЕ В ОДНОЙ ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

Перевод М. Салье

35

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

37

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Трое инвалидов. – Страдания Джорджа и Гарриса. – Жертва ста семи смертельных недугов. – Полезные рецепты. – Средство против болезней печени у детей. – Мы сходимся на том, что переутомились и что нам нужен отдых. – Неделя в море? – Джордж предлагает путешествие по реке. – Монморенси выдвигает возражение. – Первоначальное предложение принято большинством трех против одного.

38

ГЛАВА ВТОРАЯ

Обсуждение плана. – Прелести ночевки под открытым небом в хорошую погоду. – То же – в дурную погоду. – Принимается компромиссное решение. – Первые впечатления от Монморенси. – Не слишком ли он хорош для этого мира? – Опасения отброшены как необоснованные. – Заседание откладывается.

47

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

План уточняется. – Метод работы Гарриса. – Пожилой отец семейства вешает картину. – Джордж делает разумное замечание. – Прелести утреннего купанья. – Запасы на случай аварии.

53

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Продовольственный вопрос. – Отрицательные свойства керосина. – Преимущества путешествия в компании с сыром. – За-

мужняя женщина бросает свой дом. – Дальнейшие меры на случай аварии. – Я укладываюсь. – Зловредность зубных щеток. – Джордж и Гаррис укладываются. – Чудовищное поведение Монморенси. – Мы отходим ко сну.

60

ГЛАВА ПЯТАЯ

Миссис П. будит нас. – Джордж – лентяй. – Надувательство с предсказанием погоды. – Наш багаж. – Испорченный мальчишка. – Вокруг нас собирается толпа. – Мы торжественно отбываем и приезжаем на вокзал Ватерлоо. – Блаженное неведение слушающих Юго-Западной дороги касательно столь суетных вопросов, как отправление поездов. – По волнам, по волнам, мы плывем в открытой лодке!..

70

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кингстон. – Полезные сведения из ранней истории Англии. – Поучительные рассуждения о резном дубе и о жизни вообще. – Печальная судьба Стивингса-младшего. – Размышления о древности. – Я забываю, что правлю рулем. – Интересные последствия этого. – Хэмптон-Кортский лабиринт. – Гаррис в роли проводника.

78

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Река в праздничном наряде. – Как одеваться для путешествия по реке. – Удобный случай для мужчин. – Отсутствие вкуса у Гарриса. – Фуфайка Джорджа. – День с барышней из модного журнала. – Могила миссис Томас. – Человек, который не любит могил, гробов и черепов. – Гаррис приходит в бешенство. – Его мнение о Джордже, банках и лимонаде. – Он показывает акробатические номера.

88

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Шантаж. – Какую политику следует при этом проводить. – Себялюбивая грубость земельного собственника. – «Объявления». – Нехристианские чувства Гарриса. – Как Гаррис поет комические

6

куплеты. – Культурная вечеринка. – Постыдное поведение двух порочных молодых людей. – Бесплезные сведения. – Джордж покупает банджо.

97

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Джорджа запрягают в работу. – Дурные инстинкты бечевы. – Неблагодарное поведение четырехвесельной лодки. – Влекущие и влекомые. – Новое занятие для влюбленных. – Странное исчезновение пожилой дамы. – Поспешишь – людей насмешишь. – На бечеве за девушками – сильное ощущение. – Пропавший шлюз, или Заколдованная река. – Музыка. – Спасены!

108

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Первая ночевка. – Под брезентом. – Призыв о помощи. – Упрямство чайника; как его преодолеть. – Ужин. – Как почувствовать себя добродетельным. – Требуется уютно обставленный, хорошо осушенный необитаемый остров, предпочтительно в южной части Тихого океана. – Забавное происшествие с отцом Джорджа. – Беспокойная ночь.

117

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О том, как Джордж однажды встал рано. – Джордж, Гаррис и Монморенси не любят вида холодной воды. – Героизм и решительность Джея. – Джордж и его рубашка. – История с нравоучением. – Гаррис в роли повара. – Историческая реминисценция, включенная специально для детей школьного возраста.

126

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Генрих Восьмой и Анна Болейн. – Неудобства пребывания в одном доме с влюбленными. – Трудные времена для английского народа. – Ночные поиски красоты. – Бесприютные и бездомные. – Гаррис готовится умереть. – Появление ангела. – Влияние внезапной радости на Гарриса. – Легкий ужин. – Завтрак. – Полмира за банку горчицы. – Ужасная битва. – Мэйденхед. – Под парусами. – Трое рыбаков. – Нас осыпают проклятьями.

135

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Марло. – Бишемское аббатство. – Монахи из Медменхэма. – Монморенси намеревается убить старого кота, но потом решает оставить его в живых. – Постыдное поведение фокстерьера в универсальном магазине. – Отъезд из Марло. – Внушительная процессия. – Паровые баркасы. – Полезные советы: как им досадить и помешать. – Мы отказываемся выпить реку. – Спокойный пес. – Странное исчезновение Гарриса с пирогом.

147

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Уоргрэв. – Восковые фигуры. – Соннинг. – Ирландское рагу. – Монморенси настроен саркастически. – Битва Монморенси с чайником. – Джордж учится играть на банджо. – Это не встречает одобрения. – Трудности на пути музыканта-любителя. – Изучение игры на волынке. – Гаррису становится грустно после ужина. – Мы с Джорджем совершаем прогулку и возвращаемся мокрые и голодные. – С Гаррисом творится что-то странное. – Удивительная история про Гарриса и лебедей. – Гаррис проводит беспокойную ночь.

159

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Хозяйственные обязанности. – Любовь к работе. – Старый гребец, его дела и рассказы. – Скептицизм молодого поколения. – Первые воспоминания о поездках на лодке. – Управление плотом. – Стильная гребля Джорджа. – Старый лодочник и его метода. – Неторопливость и спокойствие. – Новичок. – Плавание с шестом. – Печальное происшествие. – Радости дружбы. – Мой первый опыт с парусом. – Почему мы не утонули.

169

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Рэдинг. – Нас ведет на буксире паровой баркас. – Нахальное поведение маленьких лодок. – Как они мешают паровым баркасам. – Джордж и Гаррис снова уклоняются от работы. – Одна бавальная история. – Стритли и Горинг.

182

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Стирка. – Рыба и рыбаки. – Об искусстве ужения. – Добросовестный удильщик на муху. – Рыбацкая история.

185

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Шлюзы. – Меня и Джорджа фотографируют. – Уоллингфорд. – Дорчестер. – Эбингдон. – Отец семейства. – Здесь удобно тонуть. – Трудный участок реки. – Дурное влияние речного воздуха.

192

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Оксфорд. – Представление Монморенси о рае. – Наемная лодка, ее прелести и преимущества. – «Гордость Темзы». – Погода меняется. – Река в разных видах. – Не слишком веселый вечер. – Стремление к недостижимому. – Оживленная болтовня. – Джордж исполняет пьесу на банджо. – Унылая мелодия. – Снова дождливый день. – Бегство. – Легкий ужин, заканчивающийся тостом.

198

ТРОЕ НА ЧЕТЫРЕХ КОЛЕСАХ

Перевод М. Жаринцовой

207

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Желание переменить образ жизни. – Нравоучительный случай, доказывающий, что обманывать не стоит. – Нравственное малодушие Джорджа. – Идеи Гарриса. – Рассказ об опытном моряке и неопытном спортсмене. – Веселая команда. – Опасность плавания при береговом ветре. – Невозможность плавания при морском ветре. – Дух противоречия у Этельберты. – Гаррис предлагает путешествие на велосипедах. – Джордж сомневается насчет ветра. – Гаррис предлагает Шварцвальд. – Джордж сомневается насчет гор. – План Гарриса относительно подъема на горы. – Миссис Гаррис прерывает беседу.

209

ГЛАВА ВТОРАЯ

Щекотливое дело. – Что должна была сказать Этельберта. – Что она сказала. – Мнение миссис Гаррис. – Наш разговор с Джорджем. – Отъезд назначен на среду. – Джордж указывает на возможность развить наш ум. – Мы с Гаррисом сомневаемся. – Кто больше работает в тандеме? – Мнение человека, сидящего сзади. – Мнение человека, сидящего спереди. – О том, как Гаррис потерял свою жену. – Здравый смысл моего дяди Поджера. – Начало истории о человеке с мешком.

220

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Единственный недостаток Гарриса. – Патентованная велосипедная фара. – Идеальное седло. – Механик-любитель. – Его ослепительный взор. – Его приемы. – Его веселый характер. – Его непритязательность. – Как от него отделаться. – Джордж в роли пророка. – Джордж в роли исследователя человеческой природы. – Джордж предлагает эксперимент. – Его осторожность. – Согласие Гарриса при известных условиях.

231

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Объяснение, почему в доме Гарриса не нужны будильники. – Общительность юного поколения. – Бдительный страж. – Его таинственность. – Его суетливость. – Занятия до завтрака. – Добрая овца и паршивая овца. – Печальная судьба добродетели. – Новая печь Гарриса. – Как дядя Поджер выходил из дома. – Почтенные деловые люди в роли скороходов. – Мы приезжаем в Лондон. – Мы разговариваем на языке путешественников.

241

ГЛАВА ПЯТАЯ

Необходимое отступление от темы. – Поучительная история. – Достоинство этой книжки. – Журнал, который не совсем удался. – Его программа. – Еще одно достоинство этой книжки. – Старая тема. – Третье достоинство этой книжки. – «Какой это был лес?» – Описание Шварцвальда.

254

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Как мы попали в Ганновер. – О том, что делают за границей лучше, чем у нас. – Разоблачение одной тайны. – «Коренной француз» как предмет развлечений. – Отцовские чувства Гарриса. – Искусство поливать улицы. – Патриотизм Джорджа. – Что Гаррис должен был сделать. – Что Гаррис сделал. – Мы спасаем Гаррису жизнь. – Город, в котором не спят. – Извозчицья лошадь с критическими наклонностями.

265

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Недогадливость Джорджа. – Любовь к порядку. – Воспитанные птицы и фарфоровые собаки. – Их преимущества. – О том, какой должна быть горная долина. – Август Сильный. – Гаррис дает представление. – Равнодушие публики. – Джордж, его тетя, подушка и три барышни.

276

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Мистер и мисс Джонс из Манчестера. – Достоинства какао. – Способ достижения всеобщего мира. – Окна как соблазнительное средство для доказательства прав. – Проводник, его пороки. – Судьба любителей немецкого пива. – Гаррис и я делаем доброе дело. – Обыкновенная статуя. – Идеальное место – без перца. – Женщина и город.

286

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Гаррис нарушает закон. – Опасности, ожидающие услужливых людей. – Преступления Джорджа. – Рай земной с точки зрения молодого англичанина. – Разочарования, ожидающие его в Англии. – Обилие развлечений в Германии. – Закон о тюфяках. – Воспитанная собака. – Невоспитанный жук. – Люди, которые делают то, что должны делать. – Дети, которые делают то, что должны делать, и другие дети. – Ограниченная свобода.

297

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Баден-Баден с точки зрения путешественника. – Раннее утро – каким оно представляется накануне. – Расстояние на карте и на практике. – Джордж идет на компромисс со своей совестью. – Велосипеды – на объявлениях. – Велосипедисты на дороге. – Выводка фениксов. – Самолубивый пес. – Наказанная лошадь.

310

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Домик в Шварцвальде. – Его «общительность». – Его атмосфера. – Джордж не хочет спать. – Дорога, на которой нельзя заблудиться. – Мой особенный природный инстинкт. – Неблагодарность товарищей. – Гаррис и наука. – План Джорджа. – Мы катаемся. – Немецкий кучер. – Человек, который распространяет английский язык по всему миру.

320

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мы огорчены низменными инстинктами немцев. – Великолепный вид. – Мнение континентальных жителей об англичанах. – Унылый путник с кирпичом. – Погоня за собакой. – Неудобный для жизни город. – Обилие фруктов. – Веселый человек. – Джордж находит, что поздно, и удаляется. – Гаррис следует за ним, чтобы показать ему дорогу. – Я не хочу оставаться один и следую за ними. – Выговор, предназначенный для иностранцев.

331

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Некоторые нравы и обычаи немецких студентов. – Мензура; ее «ненужная польза», по мнению импрессиониста. – Вкусы немецких барышень. – Salamander. – Совет иностранцам. – История, которая могла закончиться печально: о двух мужьях, двух женах и одном холостяке.

343

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Несколько серьезных мыслей на прощанье. – Немец с англосаксонской точки зрения. – Городовой. – Инстинкт командования и подчинения. – Купец. – Новая женщина. – Единственный упрек, который можно сделать немцам. – «Виттел» окончен.

356

РАССКАЗЫ

367

ИЗ СБОРНИКА «МИР СЦЕНЫ»

(1888)

ГЕРОЙ

Перевод В. Маянц

369

ЗЛОДЕЙ

Перевод В. Маянц

374

ГЕРОИНЯ

Перевод В. Маянц

378

АДВОКАТ

Перевод В. Маянц

382

РЕБЕНОК

Перевод И. Маненок

386

КРЕСТЬЯНЕ

Перевод С. Дзенин

391

СТАРИЧОК

Перевод В. Маянц

394

ИЗ СБОРНИКА «ДНЕВНИК ОДНОГО
ПАЛОМНИЧЕСТВА И ШЕСТЬ ОЧЕРКОВ» (1891)

ТРОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Перевод А. Ройзен

396

ЧАСЫ

Перевод З. Журавской

405

ИСТОРИИ, РАССКАЗАННЫЕ ПОСЛЕ УЖИНА (1891)

Перевод И. Бернштейн

416

ИЗ КНИГИ «НАБРОСКИ ДЛЯ РОМАНА» (1891)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Перевод И. Красногорской

446

ГЛАВА ВТОРАЯ

Перевод И. Красногорской

466

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Перевод В. Маяц

482

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Перевод В. Маяц

494

ИЗ СБОРНИКА «ДЖОН ИНГЕРФИЛД
И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ» (1894)

ПАМЯТИ ДЖОНА ИНГЕРФИЛДА И ЖЕНЫ ЕГО АННЫ

Перевод В. Хингиса

511

АРЕНДА «СКРЕЩЕННЫХ КЛЮЧЕЙ»

Перевод И. Красногорской

537

ИЗ СБОРНИКА «НАБРОСКИ ЛИЛОВЫМ, ГОЛУБЫМ
И ЗЕЛЕНЫМ»
(1897)

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ РУКОВОДИТЬ

Перевод В. Тамохина

542

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СБИЛСЯ С ПУТИ

Перевод В. Артемова

549

14

РАССЕЯННЫЙ
Перевод Н. Ромм

557

ПАДЕНИЕ ТОМАСА ГЕНРИ
Перевод Н. Ромм

563

ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ
Перевод В. Хинкиса

568

ИЗ СБОРНИКА «ЕЩЕ ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ»
(1898)

О ВЕЛИКОЙ ЦЕННОСТИ ТОГО,
ЧТО МЫ НАМЕРЕВАЛИСЬ СДЕЛАТЬ
Перевод Н. Дышник

580

О ТОМ, ЧТО НЕ НАДО СЛУШАТЬСЯ ЧУЖИХ
СОВЕТОВ
Перевод В. Тамохина

599

ИЗ СБОРНИКА «НАБЛЮДЕНИЯ ГЕНРИ» (1901)

ДУХ МАРКИЗЫ ЭПЛФОРД
Перевод И. Бернштейн

616

СЮРПРИЗ МИСТЕРА МИЛБЕРРИ
Перевод Каяндера

629

ИЗ КНИГИ «ТОММИ И К°» (1904)

КАК ЗАРОДИЛСЯ ЖУРНАЛ ПИТЕРА ХОУПА
Перевод З. Журавской

639

МИСТЕР КЛОДД НАЗНАЧАЕТ СЕБЯ ИЗДАТЕЛЕМ
ЖУРНАЛА
Перевод З. Журавской

663

МЛАДЕНЕЦ ВНОСИТ СВОЙ ВКЛАД

Перевод З. Журавской

681

ИЗ СБОРНИКА «ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ» В 1905 Г. (1905)

СЛЕДУЕТ ЛИ ЖЕНАТОМУ ЧЕЛОВЕКУ ИГРАТЬ В ГОЛЬФ?

Перевод В. Хинкиса

709

ДОЛЖНЫ ЛИ МЫ ГОВОРИТЬ ТО, ЧТО ДУМАЕМ, И ДУМАТЬ ТО, ЧТО ГОВОРИМ?

Перевод И. Бернштейн

715

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ЛЮБИМ ИНОСТРАНЦЕВ?

Перевод В. Хинкиса

721

ИЗ СБОРНИКА «ЖИЛЕЦ С ТРЕТЬЕГО ЭТАЖА» (1907)

ДУША НИКОЛАСА СНАЙДЕРСА,
ИЛИ СКРЯГА ИЗ СААРДАМА

Перевод В. Ногина

729

МИССИС КОРНЕР РАСПЛАЧИВАЕТСЯ

Перевод В. Артемова

745

ЧЕГО СТОИТ ОКАЗАТЬ ЛЮБЕЗНОСТЬ

Перевод Н. Дыблик

759

ИЗ СБОРНИКА «МАЛЬВИНА БРЕТОНСКАЯ»

(1916)

УЛИЦА ГЛУХОЙ СТЕНЫ

Перевод В. Лифшиц

768

ЛАЙКОВЫЕ ПЕРЧАТКИ

Перевод Е. Семеновой

791

ДЖЕРОМ КЛАПКА ДЖЕРОМ

Читая то немногое, что было написано о Джероме на разных языках, удивляешься, как много злых слов сумели сказать о нем критики. Его книги называли вздорными, его творчество энергично и недвусмысленно определялось как позор английской литературы, как попытка протащить в нее какой-то «новый юмор». «Джером, — писала одна лондонская газета, — это печальный пример того, чем угрожает Англии чрезмерное образование низших классов». Даже сравнительно недавно, уже много лет спустя после смерти Джерома, его имя поминалось с прибавлением эпитетов, далеко не лестных: он-де и пошляк, и бестактный, и наблюдательность его — наблюдательность мещанина-обывателя, а «Трое в одной лодке» — шедевр вагонной литературы.

Но если хотя бы половина этих нападок справедлива, то за что же тогда любили и любят Джерома читатели? Почему еще в 1894 году его считали самым распространенным автором во всех англоязычных странах? Почему на обложках приложения к русскому журналу «Вокруг света» за 1912 год значится: «Собрание сочинений неподражаемого английского юмориста Джерома К. Джерома»? Неужели книги Джерома действительно «читиво», а популярность их сродни популярности «Джека Потрошителя»?.. И невольно приходят на память слова, с которыми один древний мудрец обращался к своим ученикам. «Свойственно многим, — говорил он, — подходя к незнакомым людям, прежде всего обращать внимание на недостатки: этот, мол, кос, тот горбат, а вон тот косноязычен. Вы же старайтесь прежде всего заметить и отыскать в человеке хорошее, ценное, доброе, а недостатки и пороки его от ваших взоров не укроются».

Только одни слабости (а их и в самом деле было немало) и замечали у Джерома суровые критики. Мы тоже не бу-

дем закрывать глаза на эти слабости, но прежде всего попробуем рассказать о писателе просто и доброжелательно; главное — доброжелательно, с тем сочувственным пониманием и симпатией, какие неизменно питал Джером к своим героям, — качество, которое не решились поставить под сомнение даже самые строгие и придирчивые из критиков.

* * *

Джером К. Джером родился 2 мая 1859 года в Уолсоле, небольшом городке графства Стаффордшир, центральная Англия. (Второе имя, Клапка, было дано ему в честь друга семьи Джеромов — венгерского эмигранта Дьердя Клапки.) Его отец был архитектором, но беспокойный, непоседливый характер не давал Джерому-старшему заниматься своим делом. Ко времени появления на свет младшего сына, будущего писателя, он окончательно забросил архитектуру и стал владельцем нескольких угольных шахт, но уже в следующем, 1860 году разорился и был вынужден переехать в Лондон. Вскоре в столицу перебралась и вся семья. Джеромы поселились в Попларе, восточном пригороде Лондона, примыкавшем к трущобам Ист-Энда. Отец занялся сбытом скобяного товара. Ему не везло, дела шли далеко не блестяще. Семье приходилось трудно, однако отец не терял бодрости и надежды на лучшее будущее. От него, вероятно, и унаследовал Джером неистощимый запас энергии, оптимизма и любви к жизни, так же как и склонность к нравоучительным рассуждениям: Джером-старший был страстным и неутомимым проповедником.

Свои школьные годы Джером вспоминает без особенной теплоты. Друзей он в школе не приобрел, занятия не увлекали его. Зато он много и жадно читал, обшаривая одну за другой маленькие частные библиотеки Поплара. Он любил прогулки по лондонским пригородам. Школа находилась далеко от дома, мальчику купили сезонный билет, и это значительно расширило круг его «странствий». Самые разнообразные картины подмечал и запечатлевал в памяти наблюдательный взор Джерома. Он видел и зеленые сельские улочки предместий Лондона, мало чем отличавшихся от деревни, и мрачные грязные закоулки Ист-Энда; видел мужество, доброту, трудолюбие простого люда, а рядом —

отвратительные пьяные драки, истязания детей, издевательства над слабыми и немощными, слышал веселые шутки и гнусную площадную брань. Это были первые встречи с жизнью, с ее контрастами нищеты и богатства, горя и радости.

В 1871 году Джером-старший умер, а два года спустя четырнадцатилетний Джером-младший навсегда расстается с учением. Друг покойного отца устроил мальчика клерком в железнодорожную контору. Еще через год умерла и мать. Детство кончилось, пришла пора самому заботиться о себе и о своем будущем. Впрочем, будущее уже, по-видимому, обеспечено. Джером служит, жалование постепенно растет — чего же еще? Так казалось сестрам, а может быть, поначалу и самому Джерому. Но в нем был жив беспокойный дух отца. Один приятель, клерк из Сити, заразил Джерома любовью к театру, и у него появляется желание попробовать свои силы на сцене. Не бросая службы, он вступает в труппу некоего Вуда, игравшую в помещении цирка неподалеку от Вестминстерского моста. Понятно, роли ему поручают самые скромные, говоря театральным языком — «держат на выходах», но новичок рад и этому. Ему мерещится карьера великого трагика, и вот в один осенний день он бросает свою железнодорожную контору (где получал уже 70 фунтов в год) и поступает в бродячую труппу.

Три года провел Джером на сцене. Немало городов и местечек объездил он, сыграл много ролей. «Я переиграл в «Гамлете» все роли, за исключением лишь Офелии», — писал он впоследствии. Актерская жизнь оборачивалась к нему всеми своими ликами — и светлыми, и темными. Но тяготы бродячего существования не пугали его. Огорчался он из-за другого. Товарищи по труппе находили у него «все-го-навсего» талант комика. «Я мог бы стать хорошим актером. Согласись я довольствоваться смехом и аплодисментами, я бы пошел далеко», — признается Джером в книге «Моя жизнь и моя эпоха». Но ему казалось, что потешать и смешить — дело недостойное. Он хотел волновать людей, приводить их в трепет и в умиление. И вот он бросает театр и едет в Лондон с тридцатью шиллингами в кармане.

Если прежде, в детстве, нищета начиналась сразу же за порогом его дома, то теперь она переступила этот порог. Джером сам сделался частью Ист-Энда, слился с безли-

кой толпой его обитателей — людей с испытанными лицами и потухшими глазами, которые когда-то окружали мальчика во время его беспечных блужданий по предместьям. «Это было то окружение, в котором прошло мое детство и которое, по-видимому, наградило меня невеселым и задумчивым характером. Я различаю в вещах их забавные стороны и при случае радуюсь шутке; но куда бы я ни взглянул, во всем я вижу больше печали, чем радости». (Эти меланхолические слова написаны Джеромом уже в старости.) Прославление «честной бедности» не было свойственно Джерому, который слишком близко видел ужасы нищеты в большом капиталистическом городе, и поэтому романтика «дна» и пустого желудка навсегда останется чуждой писателю: «Господа литераторы охотно и много пишут о «дне». Я готов согласиться, что там можно обнаружить и юмор, и пафос, и даже романтику. Но для того, чтобы открыть все прелести «дна», нужно самому находиться на поверхности».

Стремясь выбиться «на поверхность», Джером сменил много профессий. Он был и репортером — из тех, что получали пенни за строку, — и школьным учителем, и секретарем у подрядчика, и агентом-комиссионером, снабжавшим своих индийских клиентов всем необходимым («Это была забавная работа: я ощущал себя своего рода всеобщим дядюшкой»), и клерком в конторе стряпчего. И одновременно — писал, много и непрерывно писал.

Еще в детстве он мечтал о литературной славе и с волнением прислушивался к словам матери, часто говорившей о высоком призвании писателя. Поступая на сцену, он надеялся приобрести опыт, необходимый драматургу, а теперь, расставшись с театром, засыпал издателей и редакции журналов трогательными и возвышенными рассказами, очерками, повестями и пьесами. Но журналы не торопились познакомиться читателя с новым светочем английской литературы. Они упорно возвращали Джерому рукописи, и только однажды газета «Ламп» тиснула его сентиментальную аллегорию о девушке, превратившейся в водопад. (Заметим вскользь, что через несколько дней после этого знаменательного события газета прекратила свое существование.) Неудачи заставляют наконец Джерома задуматься: ведь невозможно, чтобы все кругом были слепы и не способны оценить его литературное дарование, скорее что-нибудь не-

ладно в его писаниях. И он решительно отказывается от псевдоромантической, слезливой патетики. Хватит с него надуманных девиц-водопадов, теперь он напишет о том, что видел и испытал сам. «Я должен рассказать миру историю героя по имени Джером, который однажды бросил все и поступил на сцену». Так родился замысел первой книги Джерома «На сцене и за кулисами» (1885).

Но вот вопрос: о чем расскажет он читателю — о нищете, страданиях и обидах? О несправедливости, которая так больно ранит в юности? О процессиях безработных, проходивших с заунывной песней под окнами их дома в Попла-ре? Нет, он напишет «о забавных и трогательных вещах, которые с ним приключились». Забавное и трогательное — в этих двух словах программа Джерома, которой он придерживался довольно последовательно. Не то чтобы он нарочито, умышленно отворачивался от мрака и ужасов жизни — мы уже видели, что он всегда помнил о них, и даже троим друзьям, беззаботно плывущим по Темзе в лодке, он покажет тело утопленницы, заставив их задуматься над бессмысленной жестокостью «респектабельного» общества, единодушно отвергнувшего «грешницу»... Но он считал, что жизнь не переделаешь. Один из героев его романа «Пол Келвер» (1902), врач, рассказывает: «На днях я наведался узнать, жив ли еще один из моих пациентов. Жена его стирала белье в передней. «Что ваш муж?» — спрашиваю. «Кажется, помер», — отвечает женщина. Потом, не прерывая работы, кричит: «Джим, как ты там?» Ответа не последовало. «Кончился», — объявила она, выжимая чулок... Я не одобряю ее, но и не осуждаю. Не я создал мир, и не я за него в ответе». Сам Джером рассуждал, вероятно, менее резко, но и он не пытался докопаться до корней зла, ничего не пытался объяснить ни другим, ни даже самому себе. Правда, зло всегда отталкивало его, но он принимал жизнь такую, какой видел ее или, может быть, какой хотел ее видеть. «Я встречал больше честных и хороших людей, чем злых, — писал он, — и потому предпочитаю думать о первых». А если людям скверно, тяжело, их надо подбодрить веселой шуткой, и им станет теплее, уютнее.

Что говорить, позиция ограниченная, сужающая творческие возможности художника. Но при всей односторонности Джерома ему нельзя отказать в глубокой искренно-

сти, неподдельной человечности. Больше того: вне этих двух качеств нам не понять правильно его юмора.

Талант юмориста проявился у Джерома очень рано. Еще школьником он славился среди товарищей как остроумный рассказчик. Юмор неизменно оживлял и его репортерские заметки: «Я выхватывал забавные словечки из пламени пожара, выжимал оригинальность из уличных побоищ, извлекал веселость из самых ужасных катастроф». Он любит смеяться, чувство юмора глубоко присуще его натуре, и он не считает нужным подавлять его, прикидываться серьезным: «Чувства наши от нас не зависят, и я никогда не мог понять, какой смысл вызывать в себе чувство, которого на самом деле не испытываешь». Джером постепенно приходит к твердому убеждению, что, смеясь и потешая, он доставляет людям ту радость, которая скрашивает их трудное существование.

Книга «На сцене и за кулисами» была написана за три месяца (Джером вообще работал очень быстро) и вышла в 1885 году. Издатель принял рукопись на кабальных условиях: за полученный гонорар Джером должен был отказаться от дальнейших авторских прав на нее. Книга не залежалась на магазинных полках. Зато критики встретили ее в штыки. Такого обескураживающего приема это бесхитрое и в меру веселое повествование, разумеется, не заслуживало, однако и громкой славы автору оно не принесло — так же, впрочем, как и вторая его книга — «Мир сцены», увидевшая свет в 1889 году (бывший актер осмеял в ней осточертевшие и зрителям и артистам театральные штампы). Но именно этому году суждено было стать решающим в литературной судьбе Джерома: в 1889 году появились его «Праздные мысли лентяя» и «Трое в одной лодке».

«Праздные мысли лентяя» печатались сначала, очерк за очерком, в ежемесячном журнале «Home Chimes» («Домашний благовест»). Отдельное издание имело неслыханный успех и в Англии, и в Соединенных Штатах. Книгу, по словам самого Джерома, расхватывали, «как горячие пирожки». Еще более восторженно были приняты «Трое в одной лодке». Джером становится одним из самых популярных авторов. Но популярность и признание — не одно и то же: критики единодушно и непримиримо осуждали повесть Джерома. Писатель Израэль Зангвиль, друг Джерома, в од-

ной из своих статей вспоминает: «Когда «Трое в одной лодке» вышли из печати, почтенные теологи и мужи науки останавливали меня на улице и, истерически хохоча, заставляли выслушивать страницу за страницей; позже те же самые господа присоединились к хору негодующих воплей и вздрагивали, услышав имя Джерома». А сам Джером пишет в «Моей жизни и моей эпохе»: «Почему в Англии, единственной из всех стран мира, юмор, хотя бы даже в новых одеждах, всегда ошибочно принимают за незнакомца и встречают градом камней — этого я не в состоянии понять».

Главное обвинение, предъявленное писателю критиками, состояло в том, что его юмор по своему характеру не соответствует духу и традициям английской литературы. Так ли это? Действительно ли порывал Джером с традициями английской юмористики?

Принято различать два основных вида или типа юмора — юмор положений и юмор характеров. Писатель, в произведениях которого преобладает юмор положений (таким писателем был Джером), подметив в своем герое какую-то одну черточку, строит вокруг нее целую серию забавных происшествий. Каждое из них непременно должно быть связано с этой черточкой (которая сама по себе далеко не всегда бывает смешной), вытекать из нее естественно и непринужденно, иначе комизм превратится в бездушное, механическое рассмеивание. О знаменитом дяде Поджере мы знаем только одно: он полон жажды деятельности, и ничего смешного здесь еще нет. Но Джером, увидев пожилого полнеющего джентльмена, энергично проталкивающегося через толпу, сумел придумать десяток ситуаций, в которых бьющая через край энергия джентльмена найдет себе самое неожиданное и самое нелепое применение.

Нередко стержнем повествования служит даже не эта единственная, отмеченная автором черточка в характере героя, а какой-нибудь случай или обстоятельство, привлечшее внимание писателя. Хозяин дарит под Рождество своему служащему гуся. «Ну, вот еще, опять слащавый рассказик о добром хозяине!» — с досадой думает читатель. Но он ошибается: для Джерома это отличная завязка, его фантазия пририсует к ней превосходное комическое продолжение. Да и вообще для такого мастера сюжета и такого неис-

черпаемого «выдумщика», каким был Джером, завязкой могло служить любое, самое незаметное, самое обыденное происшествие.

Юмор характеров более психологичен и в то же время менее остер сюжетно. Автор создает комический характер, смешной во всех своих сторонах и проявлениях, и тогда источником комизма оказывается уже не ситуация, а сам герой, одно воспоминание о котором вызывает у читателя улыбку. Замечательные образцы юмора характеров — молодой и старый Уэллеры в «Записках Пиквикского клуба» Ч. Диккенса. Мистер Уэллер-старший — это тип старого чудака, а его сын — тип так называемого «кокни», самоуверенного, сметливого и бойкого столичного жителя, непоколебимо убежденного в величайшем превосходстве лондонцев над всеми остальными представителями рода человеческого. В поведении отца и сына нет, казалось бы, ничего абсурдного, напротив, оно строго мотивировано и, следовательно, вполне разумно. Но стоит им появиться на страницах романа — и мы начинаем смеяться; мы смеемся их шуткам, их манерам, позам, жестам, их нехитрой житейской философии. Понятно, что создание истинно комических характеров требует от писателя подлинного мастерства психолога и глубокого знания жизни. С известными оговорками было бы справедливым признать, что юмор характеров выше юмора положений.

И все же юмор положений никак не чужд английской литературе. Он присущ, например, комедиографии второй половины XVII и первой половины XVIII века. Рядом с юмором характеров он встречается и у Филдинга, и у Смоллета, и у Шеридана, и даже у Диккенса. Следовательно, нельзя согласиться с теми, кто безапелляционно объявлял юмор Джерома К. Джерома «новым», идущим вразрез с традициями английской юмористики. Вернее другое, а именно: у великих английских юмористов смешное служило высоким идейным и социальным целям, тогда как юмор Джерома не возвышается над довольно поверхностной наблюдательностью, и писателю чуждо стремление к большим обобщениям.

Джером почти не писал о том, чего не видел и не знал по собственному опыту. Великосветское общество было так же чуждо ему, как экзотика колоний и тайны лондонского

«дна». Его неизменный герой — это средний англичанин, трезвый, рассудительный, немного неповоротливый и тягелый на подъем, наделенный хорошим чувством юмора. Его жизнь знаком писателю во всех подробностях, в его доме Джером чувствует себя не гостем, а хозяином. Этот средний англичанин балагурит и разглагольствует в «Празднх мыслях лентяя», плывет по Темзе в обществе двух друзей и собаки, удаляется от городского шума на лоно природы (повесть «Они и я») — одним словом, не покидает Джерома на всем протяжении его писательской жизни.

Есть одна особенность, унаследованная Джеромом от Диккенса: это добродушие его юмора. Писатель не просто смеется над своими героями — он любит их, но это не исключает осмеяния тех или иных недостатков в комическом персонаже. Благожелательность Джерома почти беспредельна, и только лицемерие приводит его в ярость, делает беспощадным его перо.

Но забавное — только половина программы, неотделимая от другой ее половины — трогательного. Еще мгновение назад Джером смеялся, но вот он задумался, и уже потоком текут размышления, а иногда и нравоучительные наставления. Каждый из очерков в «Празднх мыслях лентяя» получил свою порцию морали и сентиментальности. Даже «Троим в одной лодке» пришлось потесниться и взять на свое суденышко проповедника. Посмотрите, как в конце десятой главы этот чувствительный джентльмен «вылезает из-под парусины на берег», с умилением глядит на звезды, думая о всеутешающей силе ночи, и рассказывает притчу о рыцаре, заблудившемся в лесу, имя которому — Горе. Такая смесь юмора с нравоучением — не новость в английской литературе. Элемент комического нередко служил приманкой, «заманивающей» читателя в ловушку проповеди, — примерно так же, как это делает Джером в рассказе «Часы». Однако если в лучших произведениях Джерома чувство меры, в общем, не изменяло ему и мы без раздражения выслушиваем не слишком глубокомысленные и оригинальные, но зато идущие от самого сердца поучения, то сколько хороших замыслов юмориста погубили они в других его книгах! Можно найти у Джерома сентиментальность и не скрашенную юмором. Сентиментальным по преимуществу представляется нам роман «Пол Келвер» —

первая из вещей Джерома, встреченная критикой благожелательно, которую и сам Джером считал своим шедевром.

Вот каков был этот «новый юморист», в оценке которого читатели так резко разошлись с критиками.

В предисловии к одному из очередных изданий «Троих в одной лодке» Джером говорит: «Я писал книги, которые кажутся мне более умными, книги, на мой взгляд, более юмористические. Но публика упорно продолжает видеть во мне именно автора «Троих в одной лодке, не считая собаки». Случись Джерому дожить до наших дней, он мог бы повторить эти слова и сегодня.

«Трое в одной лодке» вовсе не были задуманы как юмористическое произведение. В своих мемуарах Джером сообщает: «Книге нужны были «юмористические подпорки», а вообще-то говоря, ей надлежало вылиться в «Рассказ о Темзе» с пейзажами и историей реки. Но этого почему-то не получилось. Я только что вернулся из свадебного путешествия, и у меня было такое чувство, будто все неприятности и огорчения на земле миновали. С «юмористическими подпорками» трудностей не было никаких, и с них я решил начать... А потом, говорил я себе, когда я снова сумею трезво судить о вещах, возьмусь за пейзаж и историю. Но до этого дело на дошло. Получались сплошные «юмористические подпорки»... Перед самым концом мне удалось написать с десяток серьезных мест и вмонтировать их по одному в каждую главу. Но Ф.В. Робинсон, который печатал книгу частями в журнале «Homo Chimes», ни минуты не задумываясь, почти все до одного выбросил в корзину. С самого начала он возражал против заглавия и настаивал на том, чтобы я придумал какое-нибудь другое. И вот, сделав уже добрую половину работы, я наконец попал в самую точку — «Трое в одной лодке»: любое название, кроме этого, казалось неподходящим».

И в самом деле, это легкая, светлая и неприязнительная книга, шумный, веселый фарс с бесконечным разнообразием комических положений, написанный (как верно замечает один писатель) молодым человеком для молодежи, а также и для тех пожилых людей, которые не забыли, как радостно и беззаботно смеются в молодости.

Своих героев Джером увидел как-то раз в поезде: трое средних лет джентльменов, возвращаясь в Лондон, вспоми-

нали свои приключения и маленькие злоключения. А так как сам Джером с двумя друзьями не раз путешествовал на лодке по Темзе, предпочитая этот вид спорта всякому другому, ему было нетрудно припомнить то, что он видел и слышал во время этих прогулок. И лишь Монморенси писатель выдумал, но, по его глубокому убеждению, собака была необходима: «Я полагаю, что в каждом англичанине есть что-то от собаки». Нам остается только поблагодарить Джерома за такую выдумку: если он и был в чем-нибудь неподражаем, то именно в рассказах о животных — особенно о кошках и собаках. Недаром же он так часто и так охотно возвращался к этой теме.

Несмотря на литературные успехи, Джером оставался в конторе стряпчего еще целых три года, готовясь совместить карьеру юриста с литературным трудом. Вероятно, слишком силен был гипноз «постоянной службы» и «постоянного заработка»: даже в 1892 году Джером расстался со своей должностью лишь потому, что был приглашен редактором и соиздателем в новый юмористический журнал, «*Idler*» («Лентяй») был затеей одного энергичного издателя, искавшего популярное имя, которое могло бы привлечь интерес и внимание публики. Сделанный им выбор определил и характер журнала, и само название, сразу же извещавшее читателя, что ему предстоит встретиться с тем самым лентяем, праздные мысли которого так позабавили всех несколько лет назад. Впрочем, с читателем «лентяй» Джером не часто встречался в эти годы: обязанности редактора оставляли ему так мало досуга, что за пять лет своей издательской работы он не написал почти ничего. Зато уж редактором и организатором он был великолепным. Он сумел собрать вокруг своего журнала и талантливую молодежь, и известных уже писателей. С «*Idler*» охотно сотрудничали не только английские, но и американские авторы. Все это были не просто сотрудники, а друзья Джерома, который, щедро расточая другим свою доброту, умел вызывать в людях ответное чувство симпатии. Раз в неделю, по пятницам, литературный Лондон приходил к «Лентяю» в гости на чашку чая. Эти вечера, известные под названием «Лентяй у себя дома», неизменно привлекали писателей, художников, артистов. Тут бывали Томас Гарди, Стивенсон, Герберт Уэллс, Бернард Шоу, Израэль Зангвиль, романист и дра-

матург Барри Пэйн и много других известных, мало известных и совсем неизвестных литераторов. Кое-кого из них Джером «открыл» и ввел в литературу, например Джекобса, впоследствии известного юмориста.

Но ежемесячника Джерому не хватало. Ему хотелось более тесной и постоянной связи с читателем, хотелось создать что-то среднее между журналом и газетой. И вот в 1893 году начинает выходить еженедельник «Today» («Сегодня»). По мнению многих (его разделял и сам издатель), это был один из лучших еженедельных журналов в Англии. Среди художников, иллюстрировавших журнал, были Обри Бердслей и Фил Мэй.

Конец наступил в 1897 году. Некий биржевой делец, о темных махинациях которого с неодобрением отзывался «Today», затеял клеветнический процесс против его издателя. Правда, истец дело проиграл, но процесс разорил Джерома. Он был вынужден продать паи и уйти из обоих изданий. Джерому-писателю это было не только полезно, но и необходимо: после долгого перерыва он мог наконец снова вернуться к собственным рукописям, вместо того чтобы без конца читать и править чужие. В том же 1897 году выходит из печати сборник «Наброски лиловым, голубым и зеленым». Рассказы, вошедшие в эту книгу, были и в самом деле «разноцветными» — от очень смешных и откровенно «расмеивающих» («Человек, который хотел руководить») до таких полностью лишенных юмористической окраски новелл, как «Портрет женщины». Впрочем, и с тем и с другим Джеромом мы уже встречались, и только рассказ «Человек, который сбился с пути» кажется чем-то необычным. История веселого, доброго и щедрого «грешника», превратившегося в жестокого, скупого «праведника», так сатирически остра, что не сразу узнаешь Джерома. Но выше мы уже говорили о ненависти писателя к лицемерию, а религиозное ханжество, прикрывающее холод сердца и презрение к людям, представлялось ему куда более опасным, чем, скажем, обычное равнодушие под маской светской любезности. Хочется вспомнить еще о рассказе «Кот Дика Данкермена». Это своего рода притча о таланте и богатстве, которое губит талант (почти тридцать лет спустя Джером написал: «Бедность — вот единственно надежный покровитель литературы»).

Европа очень любила Джерома, и он отвечал ей тем же. В пору своей безвестности и службы у стряпчего он проводил лето то в Голландии, то в Бретани, то в Германии, а позже часто и подолгу жил за границей и всегда охотно откликался на приглашение посетить страну, где прежде не бывал. Больше всего прожил он в Германии и много писал о ней. Среди книг Джерома о немцах известная повесть «Трое на велосипедах» (1900), рассказывающая о путешествии трех наших старых знакомых — Джорджа, Гарриса и автора — по Германии. И в этой книге, и в других, отдавая должное трудолюбию, одаренности, честности германского народа, писатель с тревогой говорит о прусском духе муштры и рабского подчинения, о шовинизме, который может принять формы, опасные для других народов Европы.

Посетил Джером и Россию, где его хорошо знали и высоко ценили. «Русский человек, — писал он, возвратившись в Лондон, — одно из самых очаровательных существ на земном шаре». Но вместе с тем его поразила затхлость жизни в царской России и в особенности фантастическое взяточничество. «Тупая покорность народа иссякает, — говорит он далее, — революция неизбежна, она будет кровавой и страшной, но, унеся многие, многие жизни, она растопчет заодно несправедливость и невежество... Мы свысока называем русских нецивилизованными, но они еще молоды... Мир будет доволен Россией, когда она приведет себя в порядок».

В Америке он побывал трижды, выступая там с публичными чтениями своих рассказов. Ему понравилось гостеприимство американцев, их откровенность, широта натуры, энергия. Масштабы Нью-Йорка поразили его, но как одинок человек в этом огромном городе, который всех перекраивает и переиначивает по одному шаблону, где стандартизируется все, даже мысль! «Каждый в Америке свободен высказывать свое мнение, но лишь до тех пор, пока он кричит вместе с толпой». Однако ничто не возмутило и не потрясло его сильнее, чем дискриминация негров, — это, по его словам, позорное пятно на совести человечества, еще более позорное, чем испанская инквизиция. Джером был неизменно верен себе: он далеко не всегда замечал зло, но уж если видел его, то не молчал и не отходил, зажмурившись, в сторону.